В. И. Максимов

«ДУХЪ ЮЖНЫ» И «ЧАС ОСМЫ» В «СКАЗАНИИ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ» — МИСТИКА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

(Заметки о диспозиции войск и ходе сражения на поле Куликовом)[1]

Куликовская битва 1380 года, или, по-старому, Мамаево побоище на поле Куликовом, в современной отечественной историографии занимает важное место по двум причинам.

Первая из них — историческая: русские впервые за 160 лет, после первого неудачного столкновения на р. Калке в 1223 г., победили татаро-монголов в крупном сражении. И хотя не смогли воспользоваться этой победой в полной мере — в 1382 году хан Тохтамыш отомстил за татарское поражение и укоротил стремление Москвы к независимости, сжегши ее, — сама битва впоследствии стала символом окончания татаро-монгольского ига, поскольку была последней крупной битвой русского войска с татарами. Ибо окончательное падение ига через 100 лет, в 1480 г., не было ознаменовано русской победой. Иго рухнуло без кровопролития. Войско великого московского князя Иоанна III (мы гораздо лучше помним его тезоименитого внука — первого царя всея Руси Ивана IV Грозного) и войско золотоордынского хана Ахмата (имя которого, в отличие от Батыя или Мамая, вообще, не отложилось в народной исторической памяти) встретились на р. Угре, войска постояли друг против друга, перестреливаясь и переругиваясь через реку, и — разошлись. Причем этот отход обоих войск скорее напоминал бегство. «Два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые!» — написал Карамзин в «Истории государства Российского». Московский князь Иоанн III, в отличие от Дмитрия Донского, не обрел славы победителя.

Вторая причина — литературная: после того как в середине XIX в. была открыта «Задонщина», литературно-поэтическое описание этой битвы, по стилю существенно отличающееся и от летописного повествования, и от историко-литературного «Сказания», и к тому же явно перекликающееся с текстом «Слова о полку Игореве», интерес к этому событию получил дополнительный импульс.

Существует большое количество работ, посвященных исследованию как обстоятельств, предшествовавших битве, так и ходу самого сражения. Однако фактологическая база для этих исследований, содержащаяся в древнерусских текстах, и в особенности относящаяся к собственно сражению, довольно противоречива. Так, только в «Сказании» существует засадный полк, внезапное появление которого на поле битвы обратило татар в бегство. Его нет ни в «Задонщине», ни в «Краткой летописной повести», а в «Пространной летописной повести» вместо него русскую победу обеспечивают «святыхЪ мученикЪ полкЪ, воина Георгиа и славнаго Дмитриа и великих князей тезоименитых Бориса и ГлЂба, в них же бЂ воевода свЂршеннаго полка небесных вой архистратиг Михаил» и «тресолнечный полк».

У историков нет единого мнения относительно места расположения засадного полка. Так, видный военный историк князь Н.С. Голицын[2] помещал засадный полк за правым крылом русских войск[3], на берегу Непрядвы, что встретило довольно резкое возражение со стороны

Д.И. Иловайского[4]. А.Д. Горский в статье «Куликовская битва 1380 г. в исторической науке»[5] упоминает об отклонениях от ныне принятого описания битвы у Н.И. Костомарова: «Костомаров, однако, признает правоподобными существенные известия этого Сказания (к примеру, удар засадного полка, хотя и ***неверно указывает место засады***).»[6] Не так давно В.А. Кучкин[7] предлагал перенести место битвы на другой, русский берег Непрядвы, одновременно полагая, что засадный полк располагался не на левом, а на правом фланге. Эта версия вызвала довольно живой, хотя и негативный, отклик у научной общественности. В качестве примера реакции на эту гипотезу можно привести выдержку из доклада Р.Г. Скрынникова «Куликовская битва. Проблемы изучения»[8], произнесенного им на Юбилейной научной конференции 1980 г.:

> «Опираясь на свидетельства летописей и сказаний В.А. Кучкин попытался доказать, что Куликовское сражение развернулось на левом берегу реки Непрядвы и «лишь в заключительной стадии перешло на ее правый берег».
>
> Один из списков «Задонщины»[9] содержит строки: «И нюкнув кн/я/зь Володимерь Андреевич с правые руки на поганаго Мамая с своим кн/я/зем Волынским 70-ю тыс/я/чами …» // приведенные строки … разрушают привычное представление о том, что полк Владимира Андреевича и Боброка стоял за левым флангом русской армии и атаковал татар слева, а не справа. Возникает вопрос: можно ли дове-

> ряять этому свидетельству? Проведенный текстологами анализ не оставляет сомнений в том, что слова «с правой руки» и далее являются поздней вставкой в текст «Задонщины». Можно указать и на источник, из которого поздний редактор почерпнул сведения об атаке Владимира Андреевича «с правой руки», т.е. с полком правой руки. В «Сказании о Мамаевом побоище» упоминается, что при выступлении из Коломны Дмитрий Иванович «правую руку уряди себе брата своего князя Владимера». Поздняя вставка в тексте «Задонщины» лишена достоверности и, следовательно, не может быть принята как доказательство чего бы то ни было.»

Однако похоже, что В. А. Кучкина был готов поддержать Б. А. Рыбаков[10]. По крайней мере, в речи, произнесеной на открытии упомянутой Юбилейной научной конференции, он сказал: «Русские полководцы применили тактическую хитрость: заранее, под покровом утреннего тумана в дубраве «вверх по Дону» (***севернее*** главных сил) был размещен засадный полк.» и далее воспроизвел ту же вставную фразу из «Задонщины»: «… в этот точно уловленный момент «нукнув князь Владимир Андреевич (засадный полк) с ***правыя*** руки на поганого Мамая» и обрушился на ближайший фланг противника. В битве произошел перелом.» Это описание атаки — ***с севера*** и ***с правой руки*** — в точности соответствует версии В. А. Кучкина.

Несмотря на заключение текстологов, спор, видимо, не был разрешен, а издатели текстов разделились на две группы, в результате чего упомянутые строки воспроизводятся в одних изданиях «Задонщины»[11—13] и не воспроизводятся в других[14—17]. Причем, в последних упомянутые строки не включаются даже как разночтения в реконструированный по разным спискам текст, хотя возражения текстологов вряд ли могут быть приняты безоговорочно, поскольку во всех редакциях «Сказания»[18] подробно описано исходное положение русских сил на поле боя: «а *правую* руку плЪкЪ ведеть Микула Васильевичь с коломничи, а левую же руку плЪкЪ ведеть Тимофей Волуевич с костромичи.» (Осн.); «с *правую* же руку прииде Микула Васильевич, да князь Семен Иванович, да Семен Мелик со многими силами.» (Кипр.); «С *правую* же руку бредут ему Микула Васильевич с коломничи и новгородские посадникы с силами.» (Распр.); «А передовыя полки ведет Дмитрей Всеволож, с *правую* же руку ему идет Микула Васильевичь с коломенцы и со иными многими.» (Печ.). Поэтому, приняв версию об ошибочной редакторской вставке, следует допустить, что предполагаемый редактор «Задонщины» очень плохо читал текст «Сказания». Следовательно, несмотря на мнение текстоло-

гов[19] — «Только зная содержание рассказа «Сказания» о засадном полку, можно понять, почему князь Владимир Андреевич выехал на татар «с правыя руки» и почему здесь упомянут Дмитрий Волынский» — сравнение этих списков не дает основания для столь категоричного вывода о заимствовании в список «Задощины» из «Сказания». И скорее всего, эта вставка со «Сказанием» не связана, а имеет иное происхождение. Возможно, средневековому переписчику-редактору «Задонщины» (в XV или XVI веке) было известно настоящее расположение засадного полка из другого источника. Кстати, такую возможность предполагал А.В. Кучкин: «Засадный полк, очевидно, на самом деле был, более того, думаю, подробный рассказ об этом полку был перенесен в «Сказание» из какого-то раннего текста, записанного со слов «самовидца», то есть участника действий полка на поле брани.»[20] К тому же эта вставка нисколько не противоречит другим спискам: ни в одном из них не говорится, что засадный полк находился на левом фланге.

В связи с этим и другими разночтениями, имеющими место в источниках, закрепившееся в историографии описание сражения представляется малодостоверным многим исследователям, вопрос о месте и ходе битвы продолжает оставаться дискуссионным, и, как следствие, возникают новые толкования описанных в «Сказании» событий.

К сожалению, в некоторых случаях эти новые толкования уклоняются от реальности в сторону религиозного мистицизма. Сюда следует, в первую очередь, отнести работы В.Н. Рудакова[21,22], который «пришел к выводу об ошибочности утвердившихся в историографии представлений о реальности изложенных в «Сказании» событий и поставил задачу установления смыслов, скрытых при буквальном прочтении произведения.» — так характеризует подход В.Н. Рудакова другой представитель этого направления, Р.А. Симонов[23]. Сам Р.А. Симонов одобрительно относится к изысканиям В.Н. Рудакова и развивает идеи последнего в довольно пространной концепции «добрых» и «злых» часов и Святого Духа «в качестве решающего фактора русской победы», которая становится базой для дальнейшего «эзотерического» толкования скрытых в тексте «Сказания» смыслов. Ясно, что возможности поисков таких «скрытых смыслов», якобы заложенных в текст автором «Сказания», практически безграничны. Поэтому неудивительно, что у В.Н. Рудакова русским воинством управляет Святой Дух, а у Р.А. Симонова «именно Боброк как «верный сей самовидец» Дмитрия Донского, находящийся от него на значительном расстоянии, мог сообщить раненому великому князю путем некоей дистанционной связи типа телепатической (радио или телефона тогда

не существовало) информацию о важном знамении с венцами.» Так возникают толкования текста, с каждым следующим шагом удаляющиеся от исследуемого источника и отраженной в нем реальности.

Однако прежде чем строить «духовно-телепатические» теории о причинах русской победы в этом сражении и об отношении к ней современников — летописцев и сказателей, приписывая последним тягу к скрытому сакральному смыслу[24], хорошо бы сначала попытаться правильно оценить фактическую составляющую вопроса и, прежде всего, поставить на место пространство и время сражения, ибо реконструкция реального сражения зависит от точности прочтения и правильности осмысления древнерусских текстов. И выполнять этот анализ необходимо, как писал Н. И. Костомаров, «рассматривая события с земной точки зрения». В первую очередь это относится к победной атаке засадного полка.

Текстовый материал, касающийся этой атаки, в основном, заключен в следующих фразах из древнерусских текстов «Сказания»:

> «ПриспѢ же *осмый* час дню, *духу южну потянувшу сЪзади* нам, възопи же ВолынецЪ гласом великым …» (Осн.)
>
> «И уже *девятому* часу изходящу, и се внезапу *потяну ветр созади* их, понужаа их изыти на татар.» (Кипр.)
>
> «Приспе же час *осмый*, абие *дух южны потягнув сЪзади* нам.» (Распр.)
>
> «Приспевшу же *осмому* часу, и абие *потянув ветр южный ззади* их.» (Печ.)

Тем не менее, летописные тексты содержат и другие высказывания, помогающие прояснить некоторые реалии битвы.

Итак, Куликово поле, 8 сентября 1380 года.

Пространство сражения

Битва русского войска великого князя московского Дмитрия (впоследствии Донского) с ордынским войском хана (а на самом деле — темника) Мамая, в соответствии с описаниями, произошла на поле Куликовом, представлявшем собой относительно небольшое «чистое» пространство на территории, ограниченной с северо-востока Доном, а с севера и северо-запада — впадающей здесь в Дон рекой Непрядвой.

Схема расположения войск, которая ныне восприводится в многочисленных изданиях, начиная со школьных учебных карт и кончая «Советской исторической энциклопедией» и «Большой советской энциклопедией», повидимому, восходит к плану Куликова поля,

представленому Д.И. Иловайским в брошюре, написанной к 500-летию битвы[25]. Эта схема появилась во 2-м издании БСЭ (1953) и затем, претерпевая некоторые изменения, в основном касающиеся изображения местности и графики исполнения, прошла через многие исторические монографии, учебники и справочники, в том числе «Историю СССР» под редакцией М.В. Нечкиной (1964) и «Военный энциклопедический словарь» (1983, 1986).[26]

На схеме указывается местонахождение всех русских полков, в том числе засадного полка князя Владимира Андреевича — воеводы Боброка Волынца, полков Мамая, а также направления ударов, наносимых сторонами в ходе боя. Русские войска накануне перешли реку и стояли на поле лицом к югу или слегка к юго-востоку. Засадный полк на схеме расположен на левом фланге, в дубраве, в последнее время все чаще именуемой в литературе Зеленой, хотя этот эпитет, употребленный в Основной и Распространенной редакциях «Сказания», вряд ли имеет там смысл топонима (скорее, это результат влияния устного народного сказительства). В различных справочных изданиях и отдельных работах, посвященных битве, можно отметить разную степень разворота засадного полка относительно фронта. Она зависит от размещения полка по глубине относительно линии фронта русских войск и варьируется от небольшого поворота вправо при расположении позади линии фронта до «нацеленного» во фланг при расположении на уровне линии фронта, и даже несколько развернутого назад к фронту при некотором выдвижении полка вперед за линию фронта.

Указанной схеме в целом соответствует описание битвы в статье А.Н. Кирпичникова[27]. Помимо описания битвы, автор статьи указывает на некоторые ошибки в распространенных ее реконструкциях. Тем не менее, в работе А.Н. Кирпичникова (как и в работах других авторов) содержится ряд утверждений, которые трудно согласовать с топографией местности и летописным описанием некоторых природных явлений, на фоне которых развертывалось сражение.

Так, автор статьи пишет: «В дубраву «вверх по Дону» был выдвинут засадный полк под руководством князя Владимира Серпуховского. // Дубрава, о которой шла речь, судя по старинным описаниям и планам Куликова поля, примыкала к левому крылу русских войск и частично находилась в их тылу по берегу р. Непрядвы.» Однако такую диспозицию на плане местности даже представить себе трудно. Выражение «вверх по Дону» могло иметь только один смысл — выше по течению Дона, чем располагались основные русские полки. В «Сказании» же говорится, что русские полки стояли на устье Не-

прядвы: «И исполчишася христианьстии полци вси. И возложиша на себе доспехы и сташа на поле Куликове на усть Непрядвы реки. Бе же то поле велико и чисто и отлог велик имеа на усть реки Непрядвы.» (Кипр.). Не существует такого места: «вверх по Дону на левом крыле русских войск»! Вверх по Дону — это, разве что, на другом берегу — за Доном или за Непрядвой. Но тогда это не левое крыло, а глубокий тыл. Либо всю битву нужно переносить на другой берег, причем даже не Непрядвы, как это предлагал А. В. Кучкин, а Дона.

В отличие от А. Н. Кирпичникова, Д. И. Иловайский в свое время не стал скрывать этот неудобный для толкования момент, однако считал ошибочной саму запись: «где был помещен засадный полк: за правым или левым крылом? Сказания не отвечают прямо на этот вопрос. Оне говорят только, что Великий князь отпустил брата своего Владимира *вверх по*

Дону, в дуброву. Но тут явная ошибка: надобно читать «вниз», а не «вверх» по Дону; ибо принимая исходным пунктом нашей переправы и расположения за Доном устье Непрядвы, верх Дона приходится на другой стороне Непрядвы, где не было сражения.» Возможно, похоже думал В. Н. Татищев, который, говоря о месте расположения засадного полка, опустил слово «вверх» и написал «ему стати в засаде в дуброву у реки Дону» вместо «вверх по Дону». При этом он также полагал, что полк находился на левом русском фланге: «Егда же татарове начаша ***левую*** руку князей белозерских одолевати, и минуша дуброву, иде же стояше князь Володимер Андреевич и воевода литовский Дмитрий Волынец с засадою, тии, видевше сие, удариша со стороны и тыл татаром.»[28].

Описав ход основной части сражения, А. Н. Кирпичников переходит к его финалу: «Удар засадного полка и выступление тылового резерва радикально изменили ход битвы. Момент броска этих частей был выбран удачно: ***солнце и ветер переменились*** и теперь были направлены в лицо неприятелю. // Отряды Мамая, прорвавшиеся к Непрядве, как бы попали в мешок: были атакованы с ***флангов*** и тыла и первые подверглись уничтожению.»

Здесь все излагается довольно правдоподобно, но опять как бы не глядя на карту местности. Главные вопросы — к деталям, в которых и заключен весь смысл. Как именно «переменились солнце и ветер» относительно сторон света? Как получилось, что татары были атакованы одновременно с обоих флангов и тыла?

Позиция русских против солнца в течение почти всего времени сражения не была удобной, но она вряд ли могла быть другой, поскольку войско Мамая шло на Москву с юга. На это «неудобство»

указывал еще Татищев: «Русским же тяжко бе, зане ***солнце бе во очи и ветр***». Главным «неудобством», конечно же, было «солнце в очи». В Памятниках об этом «неудобстве» не говорится прямо, но оно нашло отражение в тексте «Сказания» в позитивном образе русских войск: «Но татарьскаа бяше сила видети ***мрачна потемнена***, а русская сила видети в ***светлых доспехах***, аки некаа великаа река лиющися, или море колеблющеся, и ***солнцу светло сияющу на них*** и лучи испущающи, и ***аки светилницы*** издалече зряхуся.» (Кипр.) Здесь: *мрачна потемнена* — татарская сила, надвигающаяся со стороны солнца, *светло сияюща* — движущаяся навстречу солнцу сила русская. И это не символика: именно так должен был видеть сходящиеся войска сторонний наблюдатель, находящийся впереди русских войск, например, в выдвинутом за линию фронта засадном полку.

Следует сразу указать на основную ошибку Татищева, которая вслед за ним повторяется другими. Описывая перелом в ходе битвы в пользу русских войск, Татищев указывает, что этот перелом наступил «егда ветр потянул руским в тыл, и солнце созади ста, а татаром в очи». Однако в это время года солнце в течение всего светового дня находится в южной полусфере и поэтому никак не могло повернуться так, чтобы стать в лицо атакующим с юга татарам. Для того, чтобы солнце было направлено в лицо неприятелю, этот неприятель должен был в послеполуденный час сам поворотиться лицом к солнцу, то есть на юг или на юго-запад. Одновременно — и лицом к атакующим. А это значит, что именно оттуда, с южной стороны, как и говорит об этом «Сказание», атаковал татар засадный полк.

Именно так и представлена эта атака на миниатюре № 169 Лицевого летописного свода XVI в.[29] На рисунке мы видим уже не утро, а день (солнце находится высоко на горизонтом), что вполне соответствует описательной хронологии событий. Даже при недостаточной перспективе и отсутствии теней ясно, что такую картину можно видеть только с северной стороны, потому что в центре рисунка мы видим его главную деталь — послеполуденное солнце. В противном случае солнце было бы у художника за спиной и отсутствовало бы на рисунке. А это значит, что справа от художника находится запад. Засадный полк накатывается на татар справа, одновременно выдвигаясь на передний план. По рисунку — с юго-западного направления.

Специально изучавший миниатюры Лицевого летописного свода В. Д. Черный[30] отмечает характерную для них «достоверность фиксации различных компонентов историко-географического пространства»: «В миниатюрах, где в сопровождающем тексте упоминаются части света, как правило, правая сторона обозначает запад, левая —

восток. Отсюда, юг занимает верх изображения, а север — низ. // С учетом такой географической установки строятся действия и в других миниатюрах. Так, выступления русских против немцев и литовцев направлены в правую сторону листа, т.е. на запад.» Довольно естественным представляется также допущение, что иллюстраторы Лицевого свода в XVI веке представляли себе историю битвы несколько достовернеее, чем Татищев в XVIII-м.

Итак, из рисунка следует, что засадный полк находился в дубраве на ***правом*** русском фланге, а не на левом, как это предлагает современная реконструкция битвы. Это положение соответствует тексту «Сказания о Мамаевом побоище», во всех редакциях которого ясно говорится, что засадный полк располагался ***выше*** по течению реки: «И отпусти князь великий брата своего, князя Владимера АндрѢевича ***вЪверхЪ*** по Дону в дуброву, яко да тамо утаится плЪкЪ его, давЪ ему достойныхЪ вѢдомцовЪ своего двора, удалыхЪ витязей, крѢпкихЪ вЪиновЪ. И еще с нимЪ отпусти извѢстнаго своего вЪеводу Дмитрея Волынскаго и иныхЪ многыхЪ.» (Осн.); «Князь велики отпусти брата своего из двуродныхЪ князя Володимера Андреевича ***вверх*** по Дону в дубраву западной полк, дав ему достойных из своего двора избранных. Еще же отпусти с ним известнаго воеводу Дмитрея Боброкова Волынца, еще же устрои той воевода Дмитрей и полки.» (Кипр.); «Князь великий Дмитрей посла брата своего князя Владимера ***вверх*** по Дону в дуброву, яко таитися полку его, дав же ему своего двора витези. И еще упусти с ним известнаго того воеводу Дмитрея Волынского.» (Распр.); «Брата же своего князя Владимира великий князь отпусти в ***вЪверх*** по Дону в дубраву, яко удалитися полку, и даде витязи достойны двора своего. И еще отпусти ему известнаго того воеводу Дмитрея Боброкова Волынскаго.» (Печ.). Река в текстах названа Доном, однако перепутать еще не широкий здесь, всего в 20 км от истока, Дон с Непрядвой летописцу, а вслед за ним и автору «Сказания», было нетрудно. Труднее было перепутать «вверх по течению» и «вниз по течению». Этого никак не могли наши предки, в отличие от историков, реконструировавших битву, которые расположили засадный полк ниже по течению реки относительно места расположения основных сил. В связи с этим отметим ухищрение, к которому вынужден прибегнуть в своем описании битвы А.Н. Кирпичников для того, чтобы засадный полк не оказался на Дону, вообще далеко от поля боя: «Дубрава … ***частично*** находилась … по берегу р. Непрядвы».

Можно указать вероятные истоки происхождения этой текстовой ошибки в «Сказании». Представьте себе, что вы в войске и долго иде-

те походом по лесу, степи, полю и, наконец, приходите на берег реки. Знающие люди говорят: «Дон!» Затем вы переправляетесь через реку и движетесь по другому берегу вверх по течению. По какой реке вы движетесь? Полагаю, не вызывает сомнений, что вы идете ***вверх по Дону***. Поскольку русские полки переправились через Дон несколько ниже впадения в него Непрядвы, то выражение «И отпусти князь великий брата своего, князя Владимера АндрѢевича ***вЪверхЪ*** по Дону» можно считать вполне правильным. Особенно, учитывая тот факт, что засадный полк ушел из русского стана на рассвете еще до того, как русские полки заняли исходную позицию на устье Непрядвы.

Добавим, что когда перед вами две маленькие реки, всего в нескольких километрах от своих истоков, впадают одна в другую, никто из местных жителей не скажет вам точно, какая из них главная, которая потечет дальше. Кто-то скажет — эта, а кто-то укажет на другую. Может быть, та, которая полноводнее, а может быть, та, которая прямее. Непрядва — первый крупный приток Дона, и после их слияния заметнее меняется направление течения Дона.[31] Поэтому весьма вероятно, что та речка, которую ныне зовут Непрядвой, и была для войск Дмитрия Донского и, соответственно, некоторых летописцев Доном. И в конце концов, вверх по притоку Дона — это тоже «вверх по Дону». Недаром в Памятниках Куликовского цикла Дон и Непрядва не только дополняют («Князь же великий поиде за ДонЪ, и бысть поле чисто и велико зело … на усть Непрядвы.» — Кр.; «Князю же перешедшу за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы.» — Пр.), но и замещают друг друга («У Дону великаго на поле Куликове»; «У Дону великого на брезе»; «На поле Куликове на речьке Непрядве»- Зад.)

Отметим также безусловный топонимический характер названия «Задонщина», данного Ефросином похвальному слову князьям: оно указывает на пространство «за Доном», где произошла битва. Однако, на самом деле, это пространство отграничено от русских владений излучиной, образуемой Доном и Непрядвой. Заметим, кстати, что атаковать сподручнее не в гору, а с горы. А общий уклон местности, как правило, идет по течению реки, в данном случае Непрядвы.

Весьма вероятно, что с находившейся там дубравой связаны названия трех небольших речек или ручьев, впадавших в Непрядву со стороны поля — Нижний, Средний и Верхний ***Дубики*** (ныне *Дубняки*), а также деревни ***Дубики*** между Непрядвой и Красным холмом, на котором располагалась ставка Мамая[32]. На карте в книге Н.С. Голицына[33] деревень с этим названием даже две. Хотя к середине XIX века никакого леса там уже не было, эти названия еще сохранялись.

Следует также отметить, что великий князь принял решение о направлении засадного полка в дуброву непосредственно сразу после рассказа о видении Фомы Кацибея, в соответствии с которым помощь легко узнаваемых русских святых Бориса и Глеба была обещана именно с юга: «На высоце месте стоя, видети облакЪ от вЪстока великЪ зело изрядно приа, аки некакиа плЪки, к западу идущь. От ***полуденныя*** же страны приидоша два юноши светлых, имуща на себе светлыи багряница, лица их сиающа, аки солнце, в обоихЪ руках у нихЪ острые мечи, и рекуще плЪковником: «Кто вы повеле требити отечесЪтво наше, его же намЪ господь дарова?». И начаша ихЪ сещи и всехЪ изсекоша, ни единЪ от нихЪ не избысть.» (Осн.). Значит, и засадный полк нужно было расположить таким образом, чтобы он нанес удар с юга, поддержанный святой силой.[34]

Несомненный интерес при рассмотрении вопроса о расположении засадного полка представляет еще одна миниатюра Лицевого свода (№146), изображающая события перед самым началом битвы Эта миниатюра, в частности, представлена в статье А. Амосова «Миниатюры Лицевого свода»[35]. Там же приведено ее описание: «В день сражения на восходе солнца в дубраву выше по Дону был отправлен засадный полк, чей удар решил, как известно, исход битвы. На миниатюре показан последний совет князей, выход засадного полка и облачение воинов в доспехи.» Однако к этому описанию необходимо добавить следующее. Художник «смотрит» на описываемую сцену с севера или северо-запада, поскольку поднимающееся из-за холма солнце находится на заднем плане практически в центре экспозиции. На переднем плане изображено место слияния двух рек, Дона (снизу) и Непрядвы (справа). На правом (татарском) берегу Дона и происходит совет князей. Изображенное на миниатюре пространство и соответствует названию «Задонщина». При этом уходящий из русского лагеря засадный полк движется не вверх по Дону, как это следует из текста «Сказания» и описания автора статьи, ибо это просто невозможно, а вверх по Непрядве. Обратное толкование изображения рек, Непрядва — снизу, а Дон — справа, также невозможно. Не только потому, что тогда вся наблюдаемая сцена происходила бы на русском берегу Непрядвы, но самое главное, стоя перед началом сражения почему-то спиной к вражескому войску, глядя на север или северо-запад, не увидеть восходящее солнце.[36]

Теперь о ветре. При чтении вышеизложенной версии возникают естественные вопросы. Во-первых, неясно, а менялось ли вообще его направление в течение дня? Известно, что в начале сражения ветер дул русским в лицо, а с 8-го часа стал «южным». В то же вре-

мя, глядя на план сражения, нетрудно понять, что это — одно и то же. Во-вторых, если ветер за время сражения все же поменялся, то каким он был вначале?

При анализе текстов «Сказания» становится понятно, что упомянутое выше утверждение Татищева, повидимому, восходит к Киприановской редакции, в которой говорится: «И егда хотяху изыти на враги своя, и веяше ветр велий противу им в лице и бьяше зело и возбраняше.» Но это место текста относится не ко всему русскому войску, а только лишь к засадному полку, расположение которого неясно. Ясно однако, что если позже ветер переменился на 180 градусов, со встречного на попутный, и в последнем случае стал *южным*, то до того он был *северным*. В связи этим заслуживают также внимания строки, воспроизведенные в остальных редакциях «Сказания»:

> «Наставшу же второму чясу дни, и начаша гласи трубнии обоих пЪлковЪ сниматися, татарьскыя же трубы яко онемеша, а русския трубы паче утврЪдишася.» (Осн.)
>
> «Часу же второму наставшу дни, и начаша гласы трубныя обоих стран сниматися. Но татарские трубы аки онемеша, руские же утвердишася.» (Распр.)
>
> «Часу же первому дни наставшу и начаша гласи трубныя от обоих стран сниматися. Татарския трубы аки онемеша, а руския же паки утвердишася.» (Печ.)

Если относиться к изложенному не как к чистой символике, а как к следам некоторой реальности, то следует признать, что в первой половине дня сражения ветер был северным, то есть дул с русской стороны. Поэтому звук татарских труб сдувало назад, и они «аки онемеша», их глас против ветра слышался слабее и не распространялся над полем так далеко и мощно, как гласы труб русских. Косвенное, но очень веское подтверждение того, что засадный полк, которому в это время ветер бил в лицо, в отличие от основных русских сил, стоял, обратившись лицом на северную сторону. И только во второй половине дня ветер, переменившийся на южный, стал дуть ему в спину. Теперь, когда и солнце, и ветер оказались на стороне засадного полка, настало время выступать.

Необходимо отметить, что текст «Сказания» указывает на расположение засадного полка ***впереди***, а не *позади*, как это принято считать, основных русских сил. Татищев правильно указывает типичную средневековую стратегию сражений: «Тогда князь великий созва вся князи, и уложиша, яко князю великому быти в средине и смотрети на вся полки, камо потребно будет помогати». В «Сказании» же гово-

рится: «***отпусти*** князь великий брата своего, князя Владимера АндрѢевича … // с нимЪ ***отпусти*** извѢстнаго своего вЪеводу Дмитрея Волынскаго». Здесь ключевым словом является ***отпусти*** — традиционное понимание, что, *отпустив* от себя полк своего брата, Дмитрий оставил его в своем тылу, неверно. Он отпустил его из-под своего управления, с контролируемой русскими войсками территории, вперед, на авансцену[37], для самостоятельных действий, отдав фактически всю инициативу по управлению действиями засадного полка воеводе Боброку-Волынскому. Подтверждением этому тезису служит описание движения русского войска при выходе из Москвы, где автор «Сказания» употребляет именно этот глагол — *отпусти* — для указания автономности колонн в походе: «Князь же великий ***отпусти*** брата своего, князя Владимера, на Брашеву дорогою, а бѢлозерьскые князи — БолвановЪскою дорогою, а самЪ же князь великий поиде на КотелЪ дорогою.» (Осн.) Боброк-Волынский, отпущенный в засаду, великолепно справился с поставленной задачей и обеспечил победу русского войска даже при том, что в ходе боя оно осталось без предводителя. Направление удара засадного полка нашло отражение в «Пространной летописной повести» в описании атаки небесного полка: «Двои воеводы видѢша полцы, тресолнечный полкЪ и пламенныя ихЪ стрѢлы, *яже идут* ***на них***» (то есть воеводы видели полк, идущий им *навстречу*).

В пользу правофлангового расположения засадного полка говорит и эпизод с «обретением великого князя» после битвы. Простые ратники Федор Сабур и Григорий Холопищев нашли его «уклонишася в ***десную*** (*правую* — В.М.) страну в ***дуброву***» (Осн.), «уклонишася на ***десную*** страну к ***дубраве***» (Кипр.), «уклонишася на ***десную*** страну» (Распр.), «уклонишася на ***десную*** страну в ***дубраву***» (Печ.). Для авторов «Сказания» вполне естественным было сохранить и после боя русскую (по расположению войск) ориентацию на поле, а для избитого или израненого Дмитрия Донского, покидающего место битвы, столь же естественным было искать спасения в той стороне, где в дубраве находился еще не вступивший в бой засадный полк его брата Владимира. И вот приведенный в чувство великий князь объезжает поле битвы: «И поѢхавЪ мало, наехаше мѢсто, на немЪ же лежать побьени вкупѢ князи бѢлозерскые: толма крѢпко бишася, яко единЪ за единаго умре. Ту же близЪ лежить убит Михайло Васильевич» (Осн.) «Сказание» не говорит, на каком краю бились белозерские князья, но княжеский свояк Микула Васильевич Вельяминов (названный в Основной редакции Михаилом) бился на правом фланге: «а с праву руку плЪкЪ ведеть Микула

Васильевичь с коломничи». И только после этого, отъехав дальше от места «отдыха», великий князь находит других убитых — своего двойника Михаила Бренка, который изображая великого князя, скорее всего, должен был находиться в центре, «верного стража» Семена Мелика, который должен был защищать фальшивого полководца, и наконец, бившегося на левом краю Тимофея Волуевича: «а лЂвую же руку плЪкЪ ведеть ТимофЂй Волуевичь с костромичи.» (Осн.). Эта последовательность «находок» (Микула Васильевич — Бренк + Мелик — Тимофей Волуевич) сохраняется и в других редакциях «Сказания», различия сводятся только к мелким подробностям и добавлению второстепенных лиц.

Таким образом, географические особенности Куликова поля и детали летописных описаний сражения указывают на то, что, в противовес Д. И. Иловайскому, следует считать ошибкой не ***вверх*** *по Дону*, написанное в «Сказании» якобы вместо ***вниз*** *по Дону*, а запись *по* ***Дону*** вместо *по* ***Непрядве***. И, возможно, это вовсе не ошибка, а естественное восприятие современников, отождествлявших приток реки с ней самой и воспринимавших их как единое целое, в данном случае — Дон.

В 1880 году Д. И. Иловайский с помощью кавалерийских офицеров Московского военного округа, принимавших участие в праздновании 500-летия битвы, проводил рекогносировку Куликова поля и в своем отчете указал, что «Проверка течения Смолки (левый фланг — В. М.) и Нижнего ***Дубняка*** (правый фланг — В. М.) и связанных с ними оврагов подтвердила то расположение, которое он дает русским полкам в куликовской битве, а также и расположению засадного полка.» Однако из его отчета не следует, что сопровождавшие историка гг. офицеры отдали явное предпочтение одному из флангов: «Оказалось, что действительно правый и левый фланги были хорошо прикрыты от обходов со стороны неприятеля, и что татарам пришлось принять фронтальное сражение около верховьев Смолки, куда поле понижается с обеих сторон отлогими спусками.» И совсем не выдерживает критики его вывод о солнце: «в те самые часы, когда 500 лет назад кипела битва, солнце и теперь сильно светило в глаза тем, которые шли со стороны села Монастырщины к Красному холму. А к тому времени, когда должен был выступить засадный полк, оно уже очутилось сбоку.» Направление от с. Рождествено-Монастырщина, находящегося близ места впадения Непрядвы в Дон, на Красный холм отклоняется всего примерно на 15° к востоку от направления на юг. Поэтому даже в 2 часа пополудни солнце светило под углом не более 45° к этому направлению. Это, конечно, сбоку, но не настолько,

чтобы не слепить глаза во встречном бою, особенно если еще учесть, что угол подъема солнца над горизонтом в это время года в этих широтах даже в полдень составляет всего примерно 40°. И если засадный полк наносил удар в тыл татарам, прорвавшим фронт русских полков и пытавшимся зайти им в тыл вдоль Непрядвы, с левого фланга, то есть в направлении восток — запад, не могло возникнуть положения, при котором, по Татищеву (и согласным с ним Д. И. Иловайскому и А. Н. Кирпичникову), русским «солнце созади ста, а татаром в очи».[38] Но именно так и было, если этот удар наносился с юго-западной стороны, то есть с правого фланга и, самое главное, обратно к фронту. Совершенно неожиданный для татар удар засадного полка наносился во фланг и тыл прорвавшимся к Непрядве отрядам Мамая. Удар наносился при отступлении основной массы русских войск. При этом татары вынуждены были принять бой, повернувшись навстречу атакующим, и, соответственно, лицом к солнцу.

Что касается левого русского фланга, то там, в отлоге на устье Непрядвы, оставался другой резерв великого князя — резервный полк князя Дмитрия Ольгердовича, который нанес удар *навстречу* засадному полку: «А князь Дмитрий Олгердович созади большаго полку вступи на то место, где оторвася левый полк, и нападе с северяны и псковичи на большой полк татарский.»[39], то есть ударил во фланг татарскому ударному полку, отсекшему левый русский полк от большого и прорвавшемуся к Непрядве. Так возникли «клещи», рассекшие войско Мамая пополам, в результате чего основные ударные силы татар попали в «мешок», а Мамай не мог ввести в бой дополнительные отряды из-за узости прохода на поле, к тому времени густо покрытого телами павших людей и коней. В результате этого удара русских полков Мамай потерял возможность управлять войсками, что и принудило его к бегству.

Остается добавить, что принятые описания и схемы битвы столь же неверно отражают движение татарских полков. В первую очередь это обусловлено весьма приблизительным переводом и толкованием древнерусских текстов. В частности, это относится к описанию начала битвы и ее исхода. Так, фраза «Мнози же плЪкы поганых бредуть ***оба пол***: от великиа силы нѢсть бо имЪ мѢсто, гдѢ разступитися.» (Осн.) в переводе В. В. Колесова читается «Многие же полки поганых бредут со ***всех сторон*** (оборот употреблен переводчиком под очевидным влиянием “Слова о полку Игореве”. Должно быть “бок о бок, без разделения полков”— В. М.): от множества войска нет им места, где соступиться (как это по-русски? это — *сойтись*, а не *разойтись* — В. М.)»). Та же фраза «Погании же бредут ***обапол***/*ым*/. Несть

им места, где разступитися.» (Распр.) в переводе О.П. Лихачевой превратилась в довольно бессмысленное «А поганые бредут с ***двух сторон***. Нет им места, где расступиться.»

На толковании именно этих фраз и базировалось предположение А.В. Кучкина о том, что вначале битва могла происходить на левом, русском берегу Непрядвы. Не менее странным представляется и альтернативное объяснение этой конструкции, высказанное в том же докладе на конференции Р.Г. Скрынниковым: «В приведенных словах В.А. Кучкин увидел доказательство того, что татары наступали «оба пол», т.е. по обе стороны реки Непрядвы. Приведенный текст допускает, однако, и более простое толкование. Татары шли «оба пол» — по обе стороны поля.» А что, простите, было посреди того поля? Неужели пустое место?

Здесь следует заметить, что движение войск Мамая по обеим сторонам реки (Непрядвы или Дона) придумал вовсе не А.В. Кучкин. Еще в 1955 г. А.А. Строков[40] со ссылкой на издание С.К. Шамбинаго[41] писал: «В «Сказании о Мамаевом побоище» об этом этапе битвы сообщается: «Татары же идут ***по обе стороны реки***, негде им разойтись: татар много, а места для них мало …». Однако, читая в Печатном варианте Основной редакции «Погании же бредут ***оба полки***, негде бо им разступитися, мало есть места им.»(перевод О.П. Лихачевой: «А у татар ***оба*** полка бредут ***вместе***, им негде разойтись, мало места.»), поймем, что из-за узости прохода на поле татары наступали ***двумя*** полками на ***три*** русских. Таким образом, общепринятая схема боя, где у Мамая передовых полков — три, находится в противоречии с этим местом текста.

Есть объяснение и у истории обнаружения трупов татар по обоим берегам Непрядвы: «И обретоша трупия мертвых ***обонпол*** реки Непрядвы, идеже непроходно быти полком руским.» (Распр.). Она, вместе с видениями Кацибея как «ремейком» видений Пелгуя, и святым воинством восходит к тексту «Жития Александра Невского». Включение этих историй в «Сказание» должно было показать историческую связь двух выдающихся защитников Русской земли, что впоследствии привело к присуждению великому князю Дмитрию Ивановичу гордого прозвища Донской.

Вот эти параллели из «Жития Александра Невского». Часть их относится к битве на Неве.[42]

> «***И бе некто мужь*** старейшина в земли Ижерстей, именем Пелгуй. ***Поручена же бысть ему стража морЪская***. Въсприят же святое крещение и живяше посреди рода своего, погана суща. Наречено же бысть имя его в святем крещении Филип. И живяше богоугодно, в среду и пя-

ток пребываше в алчбе. Тем же сподоби его бог видети видение страшно в тЂй день. Скажем вкратце.

Уведав силу ратных, иде противу князя Олександра, да скажет ему станы и обрытья их. Стоящу же ему при краи моря, стрегущю обою пути, и пребысть всю нощь в бдении. И яко же начаша вЪсходити солнце, слыша шюм страшен по морю и виде насад един гребущь, посреди же насада ***стояста святая мученика Бориса и Глеба*** в одеждах чрЪвленых и беста руце держаста за раму. Гребци же седяху, акы мглою одени. Рече Борис: «Брате Глебе, вели грести, да поможемь сроднику своему Олександру». Видев же таковое видение и слышав таковый глас от мученику, стояше трепетен, дондеже насад отЪиде от очию его.

Потом скоро поеха князь Олександр. Он же, видев князя Олександра радостныма очима, ***исповеде ему единому видение***. Князь же рече ему: «***Сего не рцы никому же***».

Оттоле потщався наеха на нь в 6 час дне.

Си вся слышахом от господина своего Олександра и от инех, иже в то время обретошеася в той сечи.

Бысть же в то время чюдо дивно, яко же в древняа дни при Езекеи царя, егда прииде Сенахирим, царь асурийск, на Иерусалим, хотя пленити святы град, и внезапу изыде аггел господень и изби от полка асурийска сто восемьдесят пять тысящь. И вЪставше утро, ***обретоша вся трупия их мертва***. Тако же бысть и при победе Олександрови, егда победи короля ***обонпол рекы Ижеры, иде же бе непроходно полку Олександрову***. Зде же обретоша многое множество избЪеных от аггела божия. Останок же их побеже, и трупиа мертвых своих наметаша корабля и потопиша в мори. Князь же Олександр возвратишся с победою, хваля и славя имя своего творца.»

Другая часть «оригинала» содержится в описании битвы на Чудском озере.[43]

«Бе же тогда субота, вЪсходящу солнцю, и сЪступишася обои. //

Си же слышах от самовидца, иже рече ми, яко видех ***полк божий на воздусе***, пришедши на помощь Олександрови. И тако победи я помощию божиею, и даша ратнии плеща своя и ***сечахуть я, гоняще, аки по аеру***, и не бе камо утещи.»

Связь этих мест «Жития Александра Невского» со «Сказанием» напрямую обозначена в последнем сравнением Дмитрия Донского с Александром: «Радуйся, князю нашь, дрЂвний ЯрославЪ, новый АлександрЪ, побЂдитель врагом...» (Осн.).

Время сражения

Возможно, русские военачальники рассчитывали на скоротечное утреннее сражение, пока положение солнца не давало преимущества ни одной из сторон, светило им одинаково неудобно: русским — сле-

ва, татарам — справа. Однако туман отодвинул начало сражения на несколько часов. По летописным описаниям он рассеялся только в третьем часу дня, когда солнце поднялось уже довольно высоко и, поворачивая к югу, светило русским в лицо: «бысть мгла велия по всей земле, аки тма, и до ***третяго*** часа дни, и потом нача убывати.» (Кипр.). Собственно битва началась еще позже: «И повеле (Дмитрий Донской — В.М.) полком своим вмале выступити. // И бе уже ***шестый*** час дни.» (Кипр.), «И бысть вЪ ***шестую*** годину дни, начаша появливатися погании измалтянѢ в полѢ»; «бьющим же ся им ***от 6-го часа*** до 9» (Простр.). И был еще перед битвой поединок богатырей.

Здесь следует заметить, что у многих исследователей «Сказания» возникают трудности с переводом древнерусских часов на современное время. Как следствие, из-за неверного указания этого времени во многих работах у читателя создается искаженное представление об обстоятельствах битвы: она как бы смещается на более раннее время дня.

Только в одном издании «Литературные памятники» представлены 3 варианта такого перевода. Два обнаруживаются в статье А.Н. Кирпичникова «Великое Донское побоище»:

1) «6 часов дня — полдень. По сегодняшнему счету времени эти 6 часов могут быть приравнены к 11 часам 35 минутам (Каменцева Е.Н. Хронология. М., 1967, с. 108)» — прим. 2 на с. 292;

2) «от шестого часа до десятого (то есть в переводе от 11.35 до 15.35)» — с. 296; «настал 7-й час дня, в переводе 12.35—13.35» — с. 297.

Заметим здесь, что 6 часов, или полдень — это конец шестого часа и начало 7-го, а значит, не может быть одновременно в 11.35 и в 12.35. Кроме того, наш московский полдень в это время года наступает вовсе не в 11.35, как в учебнике Е.Н. Каменцевой, на который ссылается А.Н. Кирпичников, а примерно в 13.20, потому что время у нас, во-первых, декретное (с 1930 г. на 1 час вперед поясного), а во-вторых, в сентябре еще «летнее» (еще на 1 час вперед с 1 апреля 1981 г.). Когда Е.Н. Каменцева писала свой учебник, «летнего» времени у нас еще не было, но, видимо, не все об этом помнят, а примечание в учебнике, касающееся декретного времени, не все замечают.

Третий вариант (явно расходящийся с моделью Е.Н. Каменцевой, в которой есть часы не только дневные, но и ночные) находим в комментарии Л.А. Дмитриева к «Пространной летописной повести»: «В Древней Руси часы отсчитывались только днем, начиная с восхода солнца … Времяисчисление в сентябре 1380 г. соотносится с теперешним в такой последовательности: 1-й час дня соответствует 6 ч. 30 м.;

2-й — 7 ч. 30 м.; 3-й — 8 ч. 30 м.; 4-й — 9 ч. 30 м.; 5-й — 10 ч. 30 м.; 6-й — 11 ч. 30 м.; 7-й — 12 ч. 30 м., и т.д.» — с. 390. Указанные здесь значения мало отличаются от приведенных выше, однако неясно относятся они к началу или концу часа.

Не лучше обстоит дело с переводом времени битвы и в других изданиях. Так, в комментарии М.А. Салминой к Летописной повести[44] говорится: «Так как события происходили в сентябре, то три часа дня в Древней Руси — это около восьми часов утра по современному времяисчислению.»; «шесть часов дня — около одиннадцати»; «девять часов дня — это около двух часов». Поскольку наш полдень в это время года приходится примерно на 13.20, то 3 часа — это 10.20, а 9 часов — 16.20. Даже если статья была написана до введения в том же 1981 г. летнего времени, расхождение уменьшится лишь на 1 час.

Неверно выполнен перевод времени битвы и в статье В.А. Кучкина «Победа на Куликовом поле», который, сославшись на книгу Л.В. Черепнина[45], характеризует время битвы так:

«По древнерусским представлениям, ночь 7 сентября наступала в 17 час. 30 мин. по современному часосчислению.» (это начало 13-го часа примерно совпадает с временем поясным, но не совпадает ни с местным, ни с декретным; летнего времени в 1980 г. у нас еще не было);

> «Шестой час соответствует теперешнему времени между 9 час. 35 мин. и 10 час. 35 мин. утра» (6-й час не приходится на этот промежуток времени ни по какому времени);
>
> «Сведения о продолжительности Куликовской битвы содержатся в «Летописной повести»: с 6 до 9 час., т.е. с 10 час. 35 мин. до 13 час 35 мин. // Но «Летописная повесть» не знает, когда в сражение вступил засадный полк. Время его вступления называет «Сказание о Мамаевом побоище»: 8 час. (12 час. 35 мин.)» (указанное современное время ничему не соответствует, как и в предыдущем случае).

Основной причиной неточностей в упомянутых работах является недостаточно корректное использование упомянутых выше пособий по древнерусской хронологии. Авторы не учитывают также и того, что время *местное* может заметно отличаться от *поясного* в пределах одного часового пояса, забывают о времени *декретном* (в СССР — с 1930г.) и *летнем* (с 1 апреля 1981г.). Более того, нет никаких оснований считать, что в конце XIV века наши предки измеряли время часами, равными современным, когда 1 час равен 60 минутам. Первые стационарные часы, так называемый «часник», появились в Москве только в 1404 г. А до того время определяли по солнцу, дневной час составлял $^{1}/_{12}$ светового дня и в зависимости от

времени года был короче (зимой) или длиннее (летом) нашего часа. И только делом случая оказалось, что час Куликовской битвы весьма близок к нашему, потому что битва произошла почти что в осеннее равноденствие, когда длительность древнерусского часа близка к современной.

Осеннее равноденствие в юлианском календаре дрейфует точно также, как весеннее, убегая вперед. В XIV веке оно уже опережало календарь на 8 суток и приходилось не на 23—24 сентября, а на 15—16 сентября. Всего через неделю наступало осеннее равноденствие, поэтому солнце всходило почти точно на востоке и заходило на западе. Чтобы понять, как это выглядело, посмотрим в современный календарь, в котором указано время восхода и захода солнца по московскому времени и долгота дня. Поскольку Куликово поле географически находится недалеко от Москвы, всего на 1° восточнее и на 2° южнее, то сильно не ошибемся. В равноденствие (24 сентября) солнце у нас встает в 7.19, а заходит в 19.22. Соответственно, полдень или по старинному 6 часов дня приходится на 13.20. За неделю до равноденствия, что «по солнцу» соответствует дню битвы, солнце встанет чуть раньше — в 7.01 и зайдет чуть позже — в 19.43, день удлинится на 40 минут, однако полдень останется на том же месте, а дневной час увеличится всего на 3 минуты (дополнительные 40 минут, равнораспределенные между 12 дневными часами).

Для довольно точного определения любого часа дня во время равноденствия, весеннего и осеннего, когда солнце встает точно на востоке, а садится — на западе, кроме солнца, нужны всего лишь палка и веревка. У наших предков не было проблем с определением полуденного часа. Полдень, то есть 6 часов дня, определять умели всегда: по солнцу, стоящему «над головой», в зените. Причем в любое время года, был бы солнечный день: в полдень тень от любого предмета самая короткая. Во всякое время года полдень — это когда солнце находится на юге. Именно поэтому слова *юг* и *полдень* в древнерусском языке были синонимами (слова *поўдзень*, *південь*, *południe* как *юг* сохранились в белорусском, украинском, польском языках). Издревле существовало множество способов определения направления на север и на юг без компаса и даже без солнца. Нас им учили в школе: с какой стороны от дерева расположен муравейник, с какой стороны растет мох на деревьях и с какой стороны ветвей больше, где Полярная звезда и т.д. Поэтому довольно точное определение времени или «часов», близких к полудню, не представляло большого труда. Где село вечером солнце, было известно, и там был запад. А за спиной у смотрящего на заходящее солнце — восток, где завтра утром

солнце взойдет. Поэтому возглавлявшему засадный полк воеводе Броброку не составляло труда построить небольшие полевые солнечные часы, воткнув в землю палку, проведя вокруг нее с помощью веревки окружность и разделив ее северную половину, дугу в 180° на 12 равных частей-часов (*час* — от *часть*, как английское hour — от латинского hora). Слава богу, способ деления окружности на 6 частей был известен еще Архимеду. Разделить каждую часть еще два раза пополам не составляло труда. И как только солнце поднимется достаточно высоко, чтобы его не заслоняли окружающие деревья, по положению солнечной тени или просто по направлению на солнце отсчитывать дневные часы. То, что об этом не написано в ни летописи, ни в «Сказании», не удивительно, потому как писать о простых, известных вещах, вроде того как нужно ориентироваться на местности, печь пироги, солить огурцы или квасить капусту, летописцам не приходило в голову.

Путаница в толковании часов в значительной степени связана также с тем, что в древности для обозначения времени («часов») использовались, в основном, не *количественные* числительные, как теперь, а *порядковые*, обозначающие время на час меньшее. Причина, по которой для указания времени употреблялись именно порядковые числительные, заключается в том, что наши предки понимали время как интервал между событиями, а не как фиксированный момент «точного времени». Поэтому «наставшу же третьему часу дни» означало не «3 часа минуло от восхода солнца», а начало этого третьего часа, то есть время по прошествии 2-х часов от восхода. Точно так же мы понимаем выражения «настал новый день, месяц май, 2005-й год, XXI-й век», определяя таким образом ***начало*** отсчета временного интервала. Для обозначения конца этого интервала мы должны говорить «истекло 3 часа, прошел месяц, окончился 2004-й год, завершился XX-й век». Так, кстати, и в «Сказании»: «Егда же шестому часу *минувшу*»(Печ.); «И уже осмому часу *изшедшу* и девятому часу *наставшу*» (Кипр.).

Следовательно, «час осмы» — это второй час пополудни: 7-й час начинался в полдень, а за ним шел «осмы час». В равноденствие это было 13 часов по *местному* времени. А по нашим часам «час осмы» битвы начинался несколько позже — в 14.25 (см. табл. ниже). Вот тут воевода Боброк со товарищи, стоявшие в засаде на ***правом фланге впереди русского фронта, с разворотом почти что лицом к этому фронту***, и ощутили «дух южны», подоспевший вовремя: им стало припекать спины. Солнце, наконец, оказалось у них сзади — пришло время начинать атаку. Для тех же, кто наблюдал эту атаку, находясь в

резервном полку, эта идущая со стороны солнца масса войск могла показаться тем самым «тресолнечным полком».

Для большей ясности приведем таблицу примерного (с точностью в пределах нескольких минут) перевода древнерусского времени на современное для середины сентября.

Час дня древнерусский	1-й час	2-й час	3-й час	4-й час	5-й час	6-й час	7-й час	8-й час	9-й час	10-й час	11-й час	12-й час
Начало часа, время летнее	7 ч 00 м	8 ч 05 м	9 ч 10 м	10 ч 10 м	11 ч 15 м	12 ч 15 м	13 ч 20 м	14 ч 25 м	15 ч 25 м	16 ч 30 м	17 ч 35 м	18 ч 40 м
Начало часа, время декретное	6 ч 00 м	7 ч 05 м	8 ч 10 м	9 ч 10 м	10 ч 15 м	11 ч 15 м	12 ч 20 м	13 ч 25 м	14 ч 25 м	15 ч 30 м	16 ч 35 м	17 ч 40 м
Начало часа, время поясное	5 ч 00 м	6 ч 05 м	7 ч 10 м	8 ч 10 м	9 ч 15 м	10 ч 15 м	11 ч 20 м	12 ч 25 м	13 ч 25 м	14 ч 30 м	15 ч 35 м	16 ч 40 м
Начало часа, время местное	5 ч 40 м	6 ч 45 м	7 ч 50 м	8 ч 50 м	9 ч 55 м	10 ч 55 м	12 ч 00 м	13 ч 05 м	14 ч 05 м	15 ч 10 м	16 ч 15 м	17 ч 20 м

Не забывая, что *полдень* в нашем обычном понимании — это 12 часов дня, видим: настоящий полдень (12.00 по *местному* времени) у нас наступает, когда по времени *поясному* только 11.20 (как бы за 40 минут до «полудня» *часового*). Это происходит потому, что Москва находится на восточном краю часового пояса. Зато по нашим часам (*летнее* время) этот полдень наступает двумя часами позже, только в 13.20 (через 1 час 20 минут после «полудня» *часового*). Так и на Куликовом поле полдень (не 7 часов, но 7-й час!) наступал заметно позже нашего. А «час осмы» — почти в половину третьего.

Характерно, что историки XIX — нач. XX в., жившие в условиях местного времени, понимали и описывали течение событий правильно. Вот что писал о времени битвы Н.И. Костомаров: «Часов в 11 (в шестом часу дня) увидели русские Мамаево полчище, сходившее с холма. // … в девятом часу дня (т.е. в третьем или в три часа по нашему времясчислению) дело изменилось внезапно … и татары в свою очередь обратились в бегство.»[46] Удивляет, однако, упорство, с которым естественное *местное* время, имеющее свои характерные отметки удобные для восприятия — восход солнца, полдень, заход солнца — исследователи переводят в нынешнее время *московское*, к тому же часто с ошибками, тогда как в этом переводе, отягощенном массой условий и условностей, нет никакого смысла. Лучше сказать «через час после восхода солнца», «за час до или через два часа после полудня» или «за два часа до захода солнца», естественно, отсчитав эти часы в соответствии с долготой дня на момент исторического события, чем ничего путного не говорящие, а иной раз просто дезинфор-

мирующие читателя «точные» часы и минуты по московскому времени (неясно даже, по «летнему» или по «зимнему») при неизвестно когда взошедшем и зашедшем дневном светиле.

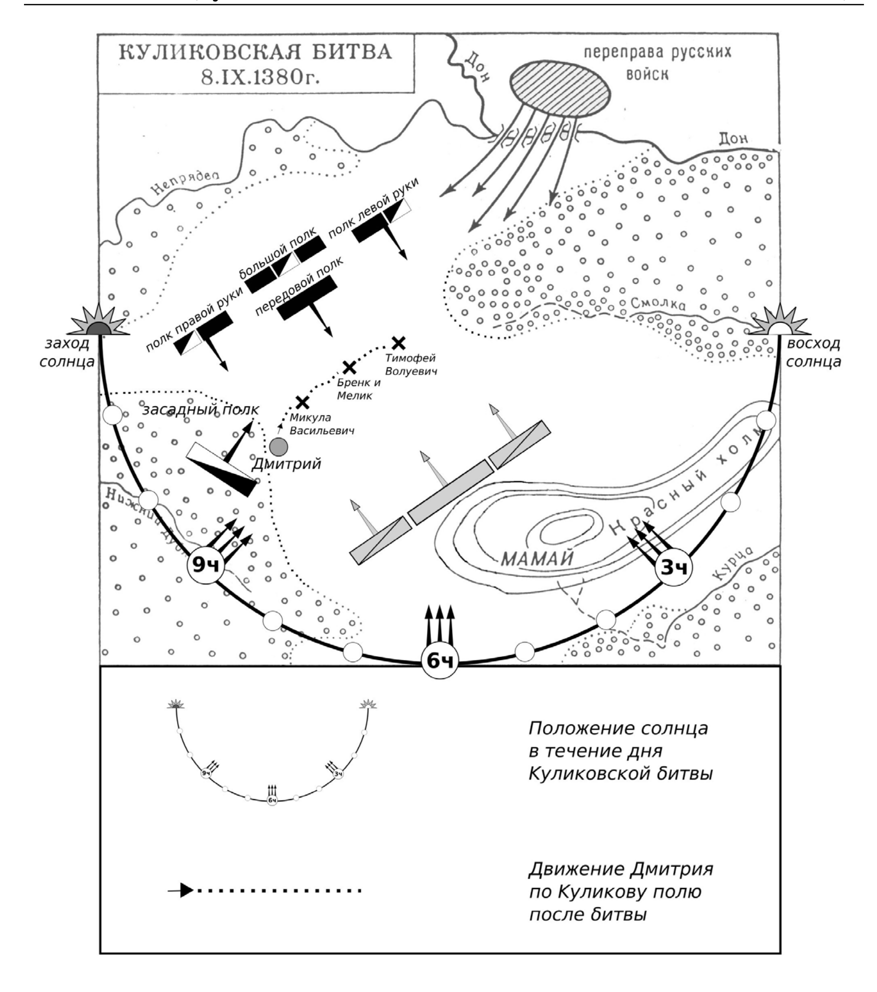
В соответствии как с летописными текстами, так и «Сказанием», обычно предлагается также считать, что русские после изнурительного многочасового сражения преследовали татар до реки (Красивой) Мечи, кратчайшее расстояние до которой от поля Куликова примерно 50 км, а до места ее впадения в Дон — все 100 км. Довольно трудно в это поверить: при организации на Руси регулярного сообщения между городами, почтовой и фельдъегерской связи расстояние между ямами (станциями) было установлено примерно в 20 верст. Таков был прогон свежих — отдохнувших, накормленых и напоеных — лошадей. «Очевидной нелепицей» считал рассказ о поисках великого князя после возвращения, к тому же с богатыми трофеями, из погони за татарами на расстояние свыше 30 верст до реки Мечи, Н.И Костомаров. К этим сомнениям можно добавить только то, что древнерусский день длился 12 часов, которые в это время года вполне соответствовали 12 часам нашим, следовательно, уже через 3—4 часа после начала атаки засадного полка зашло солнце и наступила темнота. Какие уж тут поиски? Искать великого князя должны были сразу после бегства татар с поля боя.

* * *

Таким образом, совокупное рассмотрение текстов «Сказания» и миниатюр Лицевого летописного свода с учетом топографических особенностей местности и ее географического положения, определяющего положение солнца на небе в течение дня, приводит нас к выводу, что в Куликовской битве, произошедшей на правом берегу Непрядвы близ ее впадения в Дон, засадный полк находился на ***правом*** русском фланге. Причем, ***впереди*** всех русских войск, а не за ними (см. рисунок). На это указывают следующие факторы:

1. Засадный полк располагался ***выше*** по течению реки относительно расположения основных русских войск (в тексте «Сказания» вместо Непрядвы река названа Доном), что отражено на миниатюре №146 Лицевого летописного свода XVI в. (л. 159).

2. Князь Владимир Андреевич, воевода засадного полка Боброк и их воины в течение всей битвы имели возможность наблюдать за ходом боя. Это было бы очень неудобно, находясь в дубраве ***за*** левым флангом, то есть против солнца.

3. В момент атаки засадного полка солнце светило атакующим в спину. Важное дополнительное свидетельство в пользу последнего находим в изображении атаки на миниатюре №169 Лицевого летописного свода XVI в. (л. 186).

4. В течение утра и первой половины дня ветер был северным и дул засадному полку в лицо.

5. После полудня ветер переменился на южный и стал дуть засадному полку в спину.

6. Описание атаки «тресолнечного небесного полка» в Пространной летописи: свидетельство двух воевод, видевших полки, идущие прямо на них.

7. «Обретение» великого князя Дмитрия Донского после боя на правой («десной») стороне в дубраве, что подтверждается его движением при осмотре пейзажа после битвы по направлению с запада на восток.

8. Названия речек и сел (Дубики) на правой (западной) стороне Куликова поля.

9. Приписка в Историческом втором списке «Задонщины» (та самая, на которую указывал В. А. Кучкин).

При этом ни в текстах «Сказания», ни в миниатюрах Лицевого летописного свода не удается обнаружить никаких свидетельств в пользу версии о нахождении засадного полка на левом фланге — только традиция, восходящая к рассказу Татищева, не только не соответствующему текстам «Сказаний», но и «противоестественному»: по Татищеву при направлении русской атаки на местности слева направо, то есть с северо-востока на юго-запад, во второй половине дня солнце стоит сзади атакующих, «а татаром в очи». А должно бы быть наоборот.

Засадный полк воеводы Боброка Волынца был расположен таким образом, чтобы в послеполуденное время, когда татары пробьются к Непрядве, солнце светило атакующим не в лицо, а в спину. Или по крайней мере, находилось слегка сзади. Возможно, Боброк и Дмитрий Донской изначально полагали, что татары проломят русскую оборону, а возможно, в этом состоял их полководческий замысел: пропустить основные татарские силы к обрывистым берегам Непрядвы, а затем, нанеся удар сзади, загнать их в реку. Вовсе не в далекую Мечу, как пишется в летописях и сказаниях про русскую победу, а в соседнюю Непрядву, прямо по направлению татарской атаки. Атака засадного полка могла быть успешной только с солнечной (южной) стороны и только после татарской «победы». Только этим замыслом и может быть объяснено упорство, с которым Боброк сдерживал своих рвущихся в бой воинов до тех пор, пока солнце не оказалось у них за спиной. Главный удар был нанесен вслед наступающему противнику, уже готовому отпраздновать свою победу. Не исключено, что такой тыловой удар на фоне богатырского (почти что рыцарского) поединка, открывшего битву, противоречил этике средневековых сражений, и поэтому в летописи и в «Сказании» описание атаки затемнено, а вся география финальной части сражения оказалась перевернутой. Непрядва стала Мечей: «И гнаша их до рѢкы до Мечи и тамо множество их избиша, а друзии погрязоша в водѢ и потопоша иноплѢменици же, гоними гнѢвом божиим и страхом одрЪжими суще.» (Кр.), а победу, как водится, приписали святым: «И обретоша трупия мертвых

обапол реки Непрядвы, идеже непроходно быти полком руским. Сия же победа суть от святых мученик Бориса и Глеба …» (Распр.)

Можно по-разному относится к «Сказанию» как историческому источнику. Можно считать, что его отдельные фрагменты являются вымыслом. Можно вообще не верить в существование засадного полка. Однако если исходить из того, что текст «Сказания» отражает реальный ход битвы, то при ее реконструкции и построении схем следует учитывать все детали и нюансы повествования.

Примечания

[1] В основе статьи положены тезисы выступления на конференции по случаю 625-летия Куликовской битвы, проходившей в Коломне в 2005 году. Сами тезисы были опубликованы в альманахе «Университетский историк» (СПбГУ, вып.4, 2007).

[2] *Голицын Н.С.* Русская военная история. Ч. 1. Спб., 1877. С. 188 и приложение.

[3] Там же, «на правой стороне поля битвы, лежавшим под срубленным деревом», указан у Голицына после боя великий князь Дмитрий Донской (там же, с. 191).

[4] *Иловайский Д.И.* Куликовская победа Димитрия Ивановича Донского. Второе издание. М., 1880. С. 62.

[5] *Горский А.Д.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. Материалы юбилейной научной конференции. «Издательство Московского университета», М., 1983. С. 27.

[6] Повидимому, имеется в виду приписывамое Н.И. Костомарову высказывание, что избранный русский отряд для засады стоял «в дубраве на западной стороне поля, то есть на правом фланге.» (*Е. Луцкий.* Куликово поле. Исторический журнал, 1940, №9, с. 52). В работе Н.И. Костомарова «Куликовская битва» (Исторические исследования. Кн.1. СПб, 1903) указание места расположения засадного полка отсутствует. Есть только косвенное подтверждение того, что Н.И. Костомаров считал его расположенным на правом русском фланге: «Одне толпы татарЪ бежали за Непрядву, и множество ихЪ потонуло вЪ Непрядве; другия толпы бежали ***вправо*** кЪ реке Красивой Мечи.» Бежать ***вправо***, вдоль Дона, в юго-восточном направлении, татары могли только в том случае, если удар засадного полка наносился с западной стороны, то есть с правого русского фланга.

[7] *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле // «Вопросы истории», 1980, №8, с. 3—21.

[8] *Скрынников Р.Г.* Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. Материалы юбилейной научной конференции. «Издательство Московского университета», М., 1983. С. 54—57.

[9] Здесь речь идет об Историческом втором (И-2) списке «Задонщины», датируемом концом XV— началом XVI в. и хранящемся в настоящее время в Государственном историческом музее (собр. Музейское №3045).

[10] *Рыбаков Б.А.* Куликовская битва (речь в Колонном зале Дома Союзов) // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. Материалы юбилейной научной конференции. «Издательство Московского университета», М., 1983.

[11] *Древнерусская* литература. Хрестоматия. Сост. Н.И. Прокофьев. М., 2000.

[12] *Хрестоматия* по древней русской литературе. Сост. Н.К. Гудзий. М., 2002 (перепечатка издания 1962 г.).

[13] *Хрестоматия* по древнерусской литературе. Сост. М.Е. Федорова, Т.А. Сумникова. М., Высшая школа, 1986).

[14] *Слово* о полку Игореве. БП БС, Л., Советский писатель, 1967.

[15] *«Изборник».* М., Художественная литература, 1969.

[16] *Сказания* и повести о Куликовской битве. Серия «Литературные памятники». Л., Наука, 1982.

[17] *Литература* Древней Руси. Хрестоматия. Сост.д.С. Лихачев, Л.А. Дмитриев. СПб, 1997.

[18] Выдержки из текстов здесь и далее (за исключением цитируемых работ) воспроизводятся по изданию «Сказания и повести о Куликовской битве», серия «Литературные памятники» (Наука, Л., 1982) с обозначениями: Зад. — «Задонщина», Кр. — Краткая летописная повесть, Простр. — Пространная летописная повесть, Осн. — Основная редакция «Сказания», Кипр. — Киприановская редакция «Сказания», Распр. — Распространенная редакция «Сказания», Печ. — Основная редакция «Сказания», печатный вариант.

[19] *Дмитриева Р.П.* Взаимоотношение списков «Задонщины» и «Слова» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.-Л., 1966. С. 206, 207.

[20] *Кучкин А.В.* (Беседа с корреспондентами журнала) // «Знание — сила», 1980, №9, с. 20

[21] *Рудаков В.Н.* «ДухЪ южны» в «Сказании о Мамаевом побоище»: К проблеме средневекового восприятия пространства // Научная конференция молодых ученых исторического факультета МПГУ им. В.И. Ленина. М., 1995. С. 9—13.

[22] *Рудаков В.Н.* «ДухЪ южны» и «осьмый час» в «Сказании о Мамаевом побоище» // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 9. М., 1998. С. 135—157.

[23] *Симонов Р.А.* Литература Древней Руси в календарно-математическом и сокровенном контекстах // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. «Прогресс традиция», М., 2004. С. 202—267.

[24] Безусловно, сакральный смысл памятника древнерусской литературы целиком исключить нельзя. Например, см. об этом исследование ведущего московского медиевиста профессора Владимира Михайловича Кириллина: *Кириллин В.М.* Таинственная поэтика «Сказания о Мамаевом побоище» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 14. / Отв. ред. Ф. С. Капица. М.: Рукописные памятники Древней руси, 2010. С. 568—627.

[25] *Иловайский Д.И.* Куликовская победа Димитрия Ивановича Донского. Второе издание. М., 1880. План.

[26] Единственным исключением является энциклопедия «Отечественная история» (М., «БРЭ», 2000), в которой на схеме (авт. Петров А.Е.) приведены три варианта расположения засадного полка. Впрочем, ни один из них не приближается к описанному в настоящей статье.

[27] *Кирпичников А.Н.* Великое Донское побоище // Сказания и повести о Куликовской битве. Серия «Литературные памятники», Наука, Л., 1982. С. 293.

[28] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 5. Л., Наука, 1965. С. 145.

[29] *Повесть* о Куликовской битве. Текст и миниатюры лицевого свода XVI века. Л., Аврора, 1984.

[30] *Черный В.Д.* Зримые образы слова // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М., 2004. С. 192.

[31] Современный вид места слияния Непрядвы с Доном можно видеть на фотографии в книге В.Н. Ашуркова «На поле Куликовом» (Тула, 1976). Две небольшие, от силы метров 10—15 шириной, речки рассекают безлесую холмистую местность. Редкие группы деревьев и кустов встречаются только по берегам обеих рек, прямо у воды.

Возможно только из-за ракурса фотосъемки Дон кажется шире Непрядвы (снимок сделан со стороны Куликова поля вверх по Дону, Непрядва на переднем плане слегка прикрыта своим берегом).

[32] *Афремов И.* Куликово поле. М., 1849. План.

[33] *Голицын Н.С.* Русская военная история. Ч. 1. Спб., 1877. Приложение.

[34] В других редакциях «Сказания» эта последовательность распалась: в Киприановской между ними оказался вставленным сюжет с избиением эфиопов, а в Распространенной и Печатном варианте решение о посылке засадного полка опережает «испытание примет» и «видение Фомы».

[35] *Амосов А.* Миниатюры Лицевого свода // «Знание — сила», 1980, №9, с. 26, 27.

[36] Место битвы показано на многих миниатюрах, относящихся непосредственно к сражению: поле рисунка ограничено «углом», образуемым слиянием рек: снизу — Доном (текущим налево!) и справа — Непрядвой. Татары — слева, русские — справа, спиной к Непрядве. Однако солнце изображено только на трех миниатюрах (№№146, 153, 169).

[37] На плане-карте, приложенной к брошюре И. Афремова «Куликово поле», засадный полк перед началом сражения выдвинут далеко вперед относительно русского войска, местом построения боевых порядков которого указан берег реки. Но при выдвижении русских войск на атакующие позиции в начале боя он опять оказывается рядом с ними.

[38] Чтобы «изменить» направление ветра, Е. Луцкий (Куликово поле. Исторический журнал, 1940, №9, с. 44—54) предложил засадному полку самому поворачиваться вслед за наступающими татарами. Однако как ни вертись на левом фланге, поворачиваться пришлось бы все время вслед за солнцем. И никогда оно не окажется за спиной, пока не повернешься лицом на север даже в полдень, а позже вообще на северо-восток, спиной к полю битвы.

[39] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 5. Л., Наука, 1965. С. 145.

[40] *Строков А.А.* История военного искусства. М., Воениздат, 1955.

[41] *Шамбинаго С.К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

[42] *«Изборник».* Сборник произведений литературы древней Руси. М., Художественная литература, 1969. БВЛ, серия первая, т.15, с. 330, 332.

[43] Там же, с. 336.

[44] *Памятники* литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., Художественная литература, 1981. С.551.

[45] *Черепнин Л.В.* Древнерусская хронология. М., 1944.

[46] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Спб., 1903. С. 535—537.